

как он удалялся в своих странствиях от Константинополя, все более широким делался его кругозор и все более независимыми становились его суждения.

На стр. 40 моей книги, при анализе образов столпников из церкви Спаса Преображения в Новгороде, отмечается, что все они находятся под действием «умного чувства», о котором так подробно повествует в своих трактатах Григорий Палама, и что выбор святых (Макарий Египетский, Акакий и др.) был продиктован симпатиями Феофана. На стр. 102 икона «Преображение» в Третьяковской галерее подробно разбирается под углом зрения учения Паламы о фаворском свете. На стр. 105 подытоживается сложная идейная основа искусства Феофана: «Он чутко откликнулся на идейные веяния своей эпохи: и на раннепалеологовский гуманизм, и на психологические теории исихастов, и на бунтарство новгородских еретических сект». Как видим, все эти мысли бесконечно далеки от того, что мне приписывает М. В. Алпатов.

Вывод из всего сказанного может быть сделан один: либо М. В. Алпатов недостаточно внимательно читал мою книгу, либо он намеренно закрывал глаза на все то, что в ней было написано о связях Феофана Грека с исихазмом.

В. Н. Лазарев

По поводу статьи Д. Л. Талиса «Сюреньская крепость»

В 33-м томе «Византийского временника» помещена статья Д. Л. Талиса о Сюреньской крепости в Юго-Западном Крыму (стр. 215—229). Автор ставит целью доказать, что крепость возведена не в VI—VII вв., как признавали до сих пор, а в XII—XIII вв. Отнесение постройки укрепления к эпохе раннего средневековья связано с типом кладки, выполненной из очень крупных квадров на прочном известковом растворе; внутрестенный проемзубок, заполненный бутом, — очень узок, что также является существенным признаком. Такого рода кладка типична именно для раннесредневекового времени (по крайней мере, в Причерноморье) и после VII в., судя по определенно датированным памятникам, неизвестна. Кладка же XII—XIII вв. принципиально отличается от раннесредневековой: она обычно состоит из бута во всю свою толщину и лишь иногда имеет гладко тесанную облицовку. Этого отличия, судя по статье, автор не понял; он видит отличие лишь в калибре камней забутовки (стр. 228), хотя это отнюдь не является хронологическим признаком. По мнению Д. Л. Талиса, тип кладки вообще «не может иметь определяющего значения» (там же). Дату крепостной стены Сюрени он основывает на керамике (главным образом мелких обломках), извлеченной из нескольких маленьких шурфов, заложённых им на плато около стены. Поверим автору, что эта керамика действительно XII—XIII вв.: невыразительные фотографии этих обломков совершенно не дают о ней представления. Полностью же сохранился лишь один кувшин (рис. 4), но так как он не находит себе аналогий среди керамики XII—XIII вв., то автор расчленяет его на отдельные элементы (горло, ручка, шейка и т. д.), каждый из которых он датирует отдельно, а затем выводит среднюю дату XII—XIII вв. (стр. 224—225). Такой весьма своеобразный путь датировки керамики к убедительным результатам привести, конечно, не может; он производит впечатление «подгонки» памятника к заранее намеченной дате. Между тем сосуд все-таки не имеет аналогий в XII—XIII вв. — просто потому, что он относится не к этому времени, а скорее к более позднему.

Но независимо от датировки керамики любому непредубежденному человеку ясно, что этот материал не связан органически со стеной и является элементом, сопутствующим ей, элементом привходящим, а потому вообще указанием на дату стены служить не может. Появление позднесредневекового материала на Сюреньском мысу может говорить лишь о том, что место это было обитаемо в то время, и ни о чем другом. Нельзя же, например, палаты думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной в Москве, которые построены в XVII в. (в 1657 г.), но в которых живут и работают и *поныне*, датировать по культурным остаткам второй половины XX в. — остаткам, которые неизбежно накапливаются вблизи стен здания, а то и у самых его стен. Очевидно, что такой археологический материал не только не «надежней хронологии, базирующейся на анализе техники кладки» (стр. 227), но, наоборот, может только породить ошибки. Такую элементарную ошибку допускает и Д. Л. Талис. Столь же ошибочна и ссылка на слабость культурного слоя на Сюреньском мысу, в чем автор видит подтверждение позднего происхождения Сюреньского укрепления. Напомним, что и городище Кыз-кермен, существовавшее, как показали раскопки, в VIII—IX вв., также имеет очень тонкий культурный слой, местами вообще сходящий на нет (скала обнажена). То же наблюдается во многих местах Мангула и других средневековых поселений Юго-Западного Крыма. Тонкость культурного слоя объясняется совсем другим — во-первых, выдуванием его на высокой незащищенной поверхности, во-вторых, отсутствием интенсивной жизни на плато мыса, что вполне понятно, ибо Сюреньское укрепление — не поселение, а только сторожевой пункт.

Столь же произвольна и поздняя датировка круглой башни Сюреньского укрепления на основании позднесредневековой даты росписи. Очевидно лишь то, что роспись выполнена спустя много столетий после постройки башни. Наконец, ничего не дает и историческое «оправдание» сооружения Сюреньского укрепления путем ссылки на усиление византийской активности в Восточной Таврике в XII в. (стр. 228). Эта ссылка

не укрепляет позиций автора, ибо, во-первых, имеет в виду не Юго-Западную, а Восточную Таврику, а во-вторых, такого рода неконкретные, косвенные ссылки можно подобрать к любым историческим периодам.

Статья Д. Л. Талиса как по своей методологии, так и по фактическому материалу и, соответственно, по своим умозаключениям несостоятельна, его попытку передатировать Сюреньское укрепление нельзя признать серьезной.

А. Л. Якобсон

Новые работы по истории греческой культуры послевизантийского периода

Μ. Ι. Μανουσάκας. Ἀνέκδοτα πατριαρχικά γράμματα (1547—1806) πρὸς τοὺς ἐν Βενετία μητροπολίτας Φιλαδελφείας καὶ τὴν ὀρθόδοξον ἐλληνικὴν Ἀδελφότητα. Βενετία, 1968.

Греческое братство в Венеции возникло в 1498 г. Крупнейшая греческая колония вне порабощенной турками Греции, важный центр национальной культуры и просвещения, Венецианское братство на протяжении столетий привлекало к себе внимание патриархов Константинополя, Александрии и Иерусалима. Особенно тесно оно было связано с константинопольским патриархатом, в церковно-административной зависимости от которого находилось с момента своего образования. Свидетельством этих взаимоотношений являются хранящиеся в венецианских архивах, и прежде всего в архиве Греческого братства, многочисленные грамоты константинопольских, александрийских и иерусалимских патриархов середины XVI — начала XIX в.

Частично эти документы были изданы 100 лет назад знаменитым историком Венецианской общины Иоанном Велудосом¹. Однако 40 патриарших грамот, написанных между 1547 и 1806 гг., оставались до последнего времени неизвестными. Изданию и исследованию их текста и посвящена книга проф. Μ. Ι. Мануссакаса.

Обнаруженные Μ. Мануссакасом в «Древнем архиве» братства (Παλιὸν Ἀρχεῖον τῆς Ἑλληνικῆς Ἀδελφότητος Βενετίας), принадлежащем ныне Греческому институту византийских и послевизантийских исследований в Венеции, эти документы распределяются следующим образом: 27 грамот вышли из канцелярии константинопольских патриархов, 8 — александрийских, 5 — иерусалимских. К XVI столетию относятся 13 грамот, к XVII — 9, к XVIII — 17, к XIX — 1; 36 грамот сохранились в подлинниках, 4 — в более поздних копиях.

Содержание издаваемых документов раскрывает перед нами различные стороны внутренней жизни Венецианского братства, его взаимоотношения с итальянскими государствами, с православными общинами Константинополя, Александрии, Крита. Мы не ставим перед собой цели дать систематический обзор содержания опубликованных Μ. Мануссакасом документов: частично это уже сделано в появившихся рецензиях книги², еще более полно содержание грамот смогут оценить будущие исследователи греческой культуры XVI—XVIII вв.³ Свою же задачу мы видим в том, чтобы показать, во-первых, роль работы Мануссакаса в развитии новогреческой дипломатики как науки и, во-вторых, то значение, которое имеет эта книга для исследования греческих грамот советских хранилищ.

Несмотря на большое число работ, посвященных изданию и изучению греческих документов XVI—XIX вв., новогреческая дипломатика до недавнего времени не имела четких правил издания документов, подобных, например, правилам издания актов византийской эпохи. В последние годы в ряде работ греческих ученых (в том числе самого Μ. Мануссакаса) стал выработываться тот принцип издания позднегреческих документов, который и был принят в рецензируемой книге.

Каждый раздел, посвященный одному документу, состоит из трех частей: 1) дата документа; краткое содержание; шифр оригинала или копии, по которым издается текст; детальное палеографическое описание; 2) текст издаваемого документа; 3) подробные «сколии» — комментарии, которые в работе Μ. Мануссакаса представляют собой целую серию специальных исследований. Если устранить два недостатка той части, где находится описание документа: отсутствие а) сведений о филигранных бумагах, на которой написана грамота, и б) датировок тех копий, которые заменили исчезнувшие подлинники и являются, таким образом, оригиналом изучаемого текста, — то издание Мануссакаса можно считать образцом, которому должны, на наш взгляд, следовать теперь издатели греческих документов XVI—XIX вв.

Важным достоинством работы Μ. Мануссакаса является хорошо продуманное иллюстрирование издаваемых грамот: к книге приложены 22 прекрасного качества фото-

¹ Ι. Βελούδος. Χρυσόβουλλα καὶ γράμματα τῶν οἰκουμένων πατριαρχῶν ἀνήκοντα εἰς τοὺς Φιλαδελφείας μητροπολίτας, ὑπερτίμους καὶ ἐξάρχους πατριαρχικοὺς καὶ προέδρους πνευματικοὺς τῆς Ἑνετικῆς τῶν ὀρθοδόξων Κοινότητος. Ἐν Βενετία, 1873.

² См. рецензии: Ν. Camarano — RESEE, 8, 1970, p. 572—573; O. Kresten — JÖB, 49, 1970, S. 307—310; G. Veloudis — BZ, 64. Bd., H. 2, 1971, S. 367—369; P. S. Nás-turel. — «Südostforschungen», 30, 1971, S. 536—537; A. Pippidi. — «Revue Roumaine d'Histoire», 1971, 1, p. 189—191; Α. Πολίτης. — «Ἑλληνικά», 24, 1971, σελ. 191—194.

³ См. уже, например: Ν. Camarano. Alexandre Macrocordato, le grand drogman. Son activité diplomatique. 1673—1709. Thessaloniki, 1970.